

DOI: 10.22250/2072-8662.2019.1.101-107

Ходырева О.В.

Репрезентация паломнической практики в электронном дневнике крестоходца: case study

Аннотация. В статье представлено case study пешего паломничества в село Великорецкое (Кировской области), которое описывается в электронном дневнике участника массового многодневного крестного хода. Как предмет case study электронный дневник даёт богатейший материал для исследования «исключительно-го случая»: это достаточно объёмный текст, его автором является опытный паломник, который не только подробно описывает всё происходящее, но и стремится дать оценку, осмыслить события и явления исходя из собственных мировоззренческих установок. Кодификация текста на основе теоретико-методологических принципов феноменологии (А. Шюц, П. Бергер) позволила проанализировать особенности мотивации, ритуального поведения и религиозного опыта крестоходца. В представляемой мини-теории утверждается, что в тексте дневника воплощена традиционная, складывающаяся веками в отечественной культуре практика пешего паломничества. При этом в её репрезентации отражается субъективный религиозный опыт. Главной темой религиозного дискурса является процесс личной духовной трансформации, в выражении которого обнаруживается культурный код, основанный на оппозиции сакральной и обыденной систем значений. В смысловых единицах, характеризующих религиозный опыт, выделяются устойчивые структуры, имеющие универсальную, архетипическую природу. К ним относятся мотивы преодоления границы сакрального и профанного, духовных и физических испытаний в сакральном пространстве, их преодоления в процессе познания законов сакрального хронотопа, рождения нового человека. Всё это позволило охарактеризовать представленный опыт паломничества как переживание лиминальной ситуации.

Ключевые слова: паломничество, Великорецкий крестный ход, религиозный опыт

Olga V. Khodyreva

Representation of Pilgrimage Practice in the Electronic Diary of the Spoof: Case Study

Abstract. The article presents a case study of a walking pilgrimage to the village of Velikorecki (Kirov region), which is described in an electronic diary of a participant in a mass cross-religious procession. As an object of the case study, the electronic diary gives the richest material for the study of the “exceptional case”: it is a fairly voluminous text, its author is an experienced pilgrim who not only describes in detail all that is happening, but also seeks to evaluate, comprehend events and phenomena based on his own worldview attitudes. The codification of the text on the basis of the theoretical and methodological principles of phenomenology (A. Schütz, P. Berger) made it possible to analyze the features of motivation, ritual behavior and religious experience of the nematode and build. In the mini-theory presented, it is stated that the text of the diary embodies the traditional practice of walking pilgrimage that has developed for centuries in the national culture. The main theme of religious discourse is the process of personal spiritual transformation, in the expression of which there is a cultural code based on the opposition of sacred and ordinary systems of meanings. In the semantic units characterizing religious experience, stable structures are distinguished, having a universal, archetypal nature. These include the motives for overcoming the boundaries of sacral and profane, spiritual and physical tests in the sacred space, overcoming them in the process of cognizing the laws of the sacred chronotope, the birth of a new person. All this allowed us to characterize the presented experience of pilgrimage as an experience of a liminal situation.

Key words: pilgrimage, Velikoretsky religious procession, religious experience

Ходырева Ольга Владимировна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и социологии Вятского государственного университета; 610000, Киров, ул. Московская, 36; olgadesatkova@yandex.ru

Olga V. Khodyreva – PhD in Cultural Science, Associate Professor, Assistant Professor, Department of Cultural Studies and Sociology; Vyatka State University; 35 Moscow str., Kirov, Russia, 610000; olgadesatkova@yandex.ru

К рубежу началу XXI века крестные ходы стали значимым явлением отечественной культуры. Великоорецкий крестный ход – самый массовый и протяжённый из них. В ходе к великоорецкой святыне принимают участие паломники не только из Кировской области, но и множества регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Для выявления смыслов современных путешествий к великоорецкому священному месту целесообразно обратиться к методам качественной социологии, рассматривая отдельные случаи паломнической практики. Наиболее интересным примером является дневник крестоходца, опубликованный на интернет-портале LiveInternet, состоящий из целого цикла рассказов, в которых автор описывает собственный опыт участия в Великоорецком крестном ходе с 2007 по 2017 год (в исследовании анализировались тексты с 2007 по 2015).

Изучению герменевтики крестоходческой практики способствует феноменологическая традиция субъективной интерпретации, так как теоретико-методологические принципы, сформулированные А. Шюцем, ориентируют на изучение смыслов и значений человеческого поведения. В данном случае это исследование опыта паломничества как когнитивного процесса и особого рода действия. По А. Шюцу, каждое действие следует рассматривать в контексте осознания им прошлого жизненного опыта в связи с будущим, что в обыденном сознании переживается как мотив. Учёный выделил два типа мотивов. «Мотивы-для» соответствуют целям, которые реализуются в социальном мире. С точки зрения действующего, этот класс мотивов соотносится с его будущим [Шюц, 2004, 121]. В настоящем исследовании этот аспект будет обозначаться как цель, ради достижения которой паломник отправился в крестный ход. Второй тип мотивов, выделенных А. Шюцем – «мотивы-потому-что» – выражаются в переживаниях «человеческим Я своих прошлых базисных установок, кристаллизованных в форме принципов, максим, привычек, вкусов, аффектов...» и «с точки зрения действующего относятся к его прошлому опыту, побуждающему его действовать тем или иным образом» [Шюц, 2004, 119]. Такое выражение мотивации близко социологическому понятию «стимул».

Обращаясь к терминологии А. Шюца, паломническую практику можно рассматривать «конечной областью значений» [Шюц, 2004, 425]. Перенесение акцента из одной реальности в другую происходит вследствие «скачка» или «шока», и «такого рода шок представляют собой религиозные переживания во всех их разновидностях» [Шюц, 2004, 426–427]. Тезис о том, что повседневный мир и «мир религиозного опыта» – разные, но взаимозависимые области значений, определяет социологическое изучение религиозного опыта, в том числе и практики крестного хода. В социологии религии теоретиком феноменологического подхода стал П. Бергер. Религиозный опыт, как «опыт прорыва реальности», тотален, радикален и определяет особый когнитивный стиль, проявляющийся в интерпретации хронотопа, собственного «Я», других людей как сакральной реальности. Религиозный опыт включает в себя «опыт сверхъестественного» и «опыт священного», взаимозависимые в традиционном религиозном сознании. «Опыт священного» есть «натурализованное» сверхъестественное как результат фиксации сверхъестественного в традиции и ритуале [Бергер, 1996, 347–349].

Автор исследуемого дневника относится к поколению, воспитанному в духе советской атеистической идеологии. В результате духовного поиска он становится на путь воцерковления и во вступлении к рассказу 2007 года предстаёт православным, воцерковлённым человеком. В своём дневнике он выступает как знаток библейских текстов, житийной литературы. Всего в рассказах 2007–2015 годов 119 цитат, с помощью которых объясняются события крестного хода. Ещё до Великоорецкого автор дневника участвовал в Стефановском крестном ходе. В характеристике этого опыта утверждается, что главным обстоятельством, благодаря которому произошло приобщение к практике крестных ходов, стало примирение близких, о котором паломник молился в первом, Стефановском ходе.

В целом индикатор «мотивы» характеризуют 23 суждения, 9 из них позволяют судить о стимулах, побуждающих снова и снова отправляться в крестный ход. В общем массиве текстов 2007–2015 годов доминирует тема духовного призыва к паломничеству. Это выражается с помощью таких смысловых единиц, как обретение

«душевного покоя», «душа просится на Великую» и т. д. Смысловая доминанта крестного хода для духовного развития (5 единиц из 9) присутствует в высказываниях о нём как средстве обретения «вечной славы» или постижения истины. В двух высказываниях стимулом паломничества выступает общение с Николаем Чудотворцем.

В числе четырнадцати сообщений в категории «цели паломничества» лишь три можно отнести к внешним, выделенным в субкатегорию «просьба о помощи в повседневной жизни». Остальные принадлежат субкатегории «духовное совершенствование через приобщение к сверхъестественной реальности». Духовное совершенствование как цель крестного хода проектируется через такие смысловые единицы как «духовное очищение», «исправление покаянием и трудом», достижение душевного спокойствия.

В трёх из четырнадцати суждений основной задачей крестного хода называется молитва. Действенность молитвы определяется степенью личного духовного совершенства. Вера в особую действенность молитв, произносимых в крестном ходе, предостерегает от необдуманных просьб. Это вписывается в процесс реализации главного проекта – «дорости до того момента, когда ничего не нужно, только хочется благодарить за всё...» Чисто религиозные смыслы проекта крестного хода раскрываются также и с помощью смысловых единиц, свидетельствующих о стремлении получить опыт сакрального («прикоснуться ко Христу через великую святыню – Великорецкую икону Николая угодника»). В целом наиболее точную, обобщающую характеристику целям паломничества дают высказывания о совершении крестного хода для того, чтобы «жить полной жизнью», избавиться от страстей, что заставляет интерпретировать практику крестного хода в христианских понятиях духовной битвы и победы.

Обозначенные мотивы определяют направленность поведения – «способов совершения крестного хода». Для анализа этого индикатора выделено 136 фрагментов, классифицированных по нескольким категориям. Одна из них характеризует идеальный образ паломника. В шести высказываниях, отнесённых к этой категории, присутствует общая ориентация на евангельский идеал: «И заповедал им ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе, но обуваться в простую обувь и не носить двух одежд» (Мар 6,9). Так и современный, «настоящий» крестоходец берёт с собой лишь бутылку воды, сухари, книжечку с акафистом Николаю Чудотворцу и икону.

Тема интерпретации физических испытаний выделена в отдельную категорию (16 высказываний). В неё вошли смысловые единицы, характеризующие отношение к боли, непогоде, усталости. Физическое страдание понимается автором как средство достижения цели – освобождения от плотских влечений и тщеславия («слава Богу, что я приболел... так быстрее про Бога вспомнил»; «Плоть немоществует, дух животворит, бесы трепещут» и т.д.).

При этом главным способом преодоления физических страданий является молитва. Молитвенной практике посвящён объёмный текстовый массив (93 фрагмента), что потребовало выделения её в отдельную субкатегорию, относящуюся к категории «ритуальное поведение». В двадцати двух высказываниях молитва представлена способом преодоления физических страданий, удовлетворения физиологических потребностей, устранения препятствий и потерь. Кроме того, анализ этих фрагментов позволяет выделить доминирующий символ крестного хода: молитвы (акафист, тропарь), посвящённые св. Николаю, упоминаются 51 раз, и лишь по 6 раз называются пасхальные и молитвы, посвящённые Богородице, Иисусова молитва называется 5 раз, прочие – менее трёх.

Молитва в крестном ходе является средством коммуникации членов локальной паломнической группы, знакомых и незнакомых крестоходцев. О значимости коллективной молитвы говорит обилие смысловых единиц во множественном числе: запели, пели, читали и т.д. Так возникает позитивно оцениваемая ситуация интеракции: «Меня всегда радует эта возможность подойти и попеть акафист с любой группой паломников..., а потом поблагодарить друг друга за совместную молитву». Как правило, ситуации совместного пения подчёркивают духовную общность паломников.

Паломничество в составе крестного хода предполагает и такую форму ритуального поведения как участие в православных службах, исповедь и причастие – этой субкатегории принадлежат 14 фрагментов. Они свидетельствуют о том, что автор дневника строго следует установленному ритуалу хода, участвует во всех литургиях, исповедуется и причащается. В этом видится особый смысл, подчинённый главенствующему мотиву духовного совершенствования: причастие защищает «от раздражения и прочих гнусных мыслей».

О восприятии крестного хода как «опыта прорыва реальности» говорит 97 выделенных фрагментов текста, классифицированных по категориям: «*оппозиция сакрального и профанного*» (14 единиц текста), в которую вошли высказывания, свидетельствующие о существовании разных систем значений в картине мира автора; «законы и требования сакральной реальности» – 39 единиц смысла, описывающих свойства хронотопа крестного хода и событий, происходящих в нём; «*сакральные символы и образы*» – в эту категорию вошли фрагменты, раскрывающие значение, придаваемое автором традиционным образам Великорецкого хода (45).

Очевидно, что в картине мира автора дневника хронотоп Великорецкого хода осмысливается с помощью его противопоставления повседневности. Два мира отличает система ценностей: «*Мир требует ускоряться, суетиться... Вокруг рекламно-развлекательный шум <...>, заглушающий заповеди Христовы <...>, навязывающий новые ценности <...> “Покупай! Дерзай! Выделяйся! Пользуйся! Пей! Ешь без остановки! Поглощай поток ненужной информации!”*».

Поэтому преодоление границы двух областей значений связывается не только с пространственным передвижением, но и с требованием изменить внутреннюю систему координат, руководствуясь законами сакральной реальности. Сделать это не просто: устойчивым структурным компонентом текстов дневника является мотив трудностей и испытаний, предвещающих дорогу в Киров. Во-первых, чтобы попасть в крестный ход, следует устранить всякую связь с мирской суетой, поэтому «*последние дни проходят в суете и беготне*». Происходят несчастные случаи, обостряются болезни, способные помешать осуществлению намерения. Человеку как бы предлагается сделать окончательный выбор между двумя системами значений.

Во-вторых, будущий крестоходец должен продемонстрировать то, что он действительно достоин оказаться в священном пространстве. Не случайно рассказ 2007 года начинается пассажем: автор помогает в похоронах дочери нуждающейся женщине – откладывает работу, с больной ногой несёт гроб, в результате «*боль ушла*»; помогает в организации обедов для бездомных при собственном неблагоприятном финансовом положении. Этим событиям придаётся значение, поскольку в них испытывается способность оказывать помощь нуждающимся, жертвовать собственным благополучием ради ближнего. «*Правильное поведение*» способствует тому, что уходит недуги, способные помешать паломничеству, и запускает действие законов сакральной реальности («*всё разрешается как бы само собой*»).

Иногда помощь приходит неожиданно, посредством чудодейственного средства, полученного от дарителя, принадлежащего сакральному миру. Такая встреча описывается в дневнике 2012 года. По дороге в Киров паломники остановились, чтобы помочь страннику, о. Иоанну. Решение остановиться «перед неожиданно показавшимся на обочине батюшкой» было принято не сразу, главным его инициатором стал автор, распознавший в путнике «*ангела-хранителя*». Странник действительно оказался неординарной с точки зрения обыденного восприятия фигурой: иеромонах из Соловков, подолгол живший на Афоне, пешком, без каких-либо материальных средств добирался в Белогорье. Рассчитывая в своих странствиях только на добрых людей, батюшка подчеркнул, что не каждый способен оказать помощь («*... в лесу ночую, запах от меня, сами понимаете, не самый лучший*»). От о. Иоанна паломники получают святое целебное масло из Соловков, чтобы боль не помешала совершить трудное пешее паломничество.

Персонажи, принадлежащие сакральной реальности, разительно отличаются от обыденных представлений о «*нормальном*», «*среднем*» человеке. Так, автор описывает «странного человека», который громким голосом управлял колонной крестоходцев («*угадывалось в нём что-то “не от мира сего”*»). Воспитанник детдома,

высокий детина «с плохой дикцией и лохматой шевелюрой» при ближайшем знакомстве оказался «добрейшей души» человеком. По мнению паломника, «управителем крестного хода» он стал не случайно: «Избрал Себе Господь из многих здоровых, умных и красивых этого большого ребёнка. Умные и красивые тут позади него».

Изменяется и сам автор: на четвёртый день возникает «ощущение спокойствия и благодати», блаженства, с трудом вспоминаются грехи из «той» жизни, «дурь из головы выветривается...». В результате из мира сакрального в мир профанный возвращается человек в «ангельском состоянии». Однако с течением времени под влиянием законов повседневного мира образ нового человека стирается: «Сегодня уже немножко не то, что в день приезда, а завтра ещё чуть-чуть меньше... К осени будет ностальгия по Великоорецкому, потом начнём считать дни до 3 июня...». Так формируется представление о циклическом времени как череде переходов из одной системы значений в другую.

Основное свойство сакрального мира – «Бог близко, благодати море» – объясняет всё происходящее воздействием высшего промысла. Любая просьба в ходу «оборачивается немедленным ответом»; греховные действия, слова и мысли сразу наказываются. Их осознание и «исправление» приводит к такому же быстрому получению прощения и устранению препятствий. Сакральное пространство требует от паломника особого эмоционального настроя: наказание следует за чрезмерное веселье и болтливость, споры, дурные мысли и раздражение. Если перед паломничеством проверялась сила намерения измениться, разорвать связь с повседневной суетой, то здесь на первый план выходит сам процесс духовной работы. Показываются результаты праведного и неправедного поступка, предоставляется возможность «подвига», который, главным образом, заключается в «подавлении страстей», ведь благополучно пройти весь путь удаётся только «чистым и непосредственным».

Значения сакрального хронотопа раскрываются через систему священных символов. Из сорока четырёх фрагментов этой категории двадцать пять относятся к субкатегории «икона Николая Великоорецкого», которая является центральным, освящённым церковной традицией символом вятского хода. Автором описываются качества этой святыни («от иконы шло тепло... Благодать»), правила поведения, имеющие ритуальный характер. Ощущение сопричастности великорецкому образу проявляется в культе: паломник прикладывает к иконе на привалах, стремится всегда быть поблизости – в самом священном («царском») месте.

Желанной формой приобщения к святыне является участие в её несении. О степени важности этой темы говорит то, что ей посвящена почти половина высказываний в субкатегории «икона Николая Великоорецкого» (11 из 25). Получить такой непосредственный доступ к иконе достаточно сложно из-за большой конкуренции. Среди крестоходцев возникает своего рода соревнование. Несение иконы – действие ритуального характера, нести следует «ровно, плавно, без раскачиваний». Это добровольно принятый, но весьма тяжёлый труд, степень его тяжести пропорциональна качеству совершаемого подвига. Результатом этого труда является чувство духовной избранности («Допустил к себе Никола-Угодник. Значит ещё живём»), физическое исцеление и получение сил для продолжения крестного хода.

Следует отметить, что группа, к которой принадлежит наш паломник, после особенно тяжёлого перехода 2009 года благодаря социальным сетям обрела репутацию тех, кто «обычно» носит икону в Медянском лесу. Однако к 2011 году приоритеты меняются – стремление к получению индивидуального религиозного опыта в ритуале несения иконы заменяется ощущением причастности к священной общности: заметное увеличение числа крестоходцев приводит к мысли о том, что в этом ритуале должно поучаствовать как можно больше паломников, соперничество в ходу неуместно.

К субкатегории «сакрализация коллектива» отнесено 3 фрагмента, в которых ключевыми можно выделить такие смысловые единицы, как «братья во Христе», «братья и сёстры». Образ крестного хода как священного «со-бытия», единения православных возникает в описании «пророческого» сна, увиденного, по словам автора, задолго до участия в вятском ходе и осмысленного только здесь: «...нескончаемая колонна людей от одного края поля до другого! Вот оно, вот...! сбылся сон!» Так

проявляется особая модальность социальных отношений, по определению В. Тэрнера, – «экзистенциальная коммунитас» – «глубинное переживание чувства общности» [Тэрнер, 1983, 170].

В анализе системы священных символов особое место занимают сакральные топосы: сёла Великоорецкое (5 фрагментов) и Горохово (5). Великоорецкое священное место и совершаемая здесь литургия как кульминационное событие хода является центральным хронотопом в картине мира крестоходца. В тексте дневника содержится его интерпретация как соединения Неба и земли. В противоположность ненастью, которое паломники преодолевают в пути, во время торжеств в Великоорецком и Горохово «никогда не бывает дождя, почти всегда светит солнышко». Берег Великой становится «храмом Божиим под открытым небом». Хронотоп Великоорецкое коррелирует с символом «Вятская Пасха»: с одной стороны, так обозначен весь крестный ход, с другой – «Вятская Пасха» происходит 6 июня, в день торжеств в Великоорецком.

Таким образом, размышления автора можно отнести к выделенному П. Бергером дедуktivному направлению современной религиозной мысли: значения выводятся из априорно данной традиции. Контент-анализ электронного дневника показывает, что в его тексте нашла своё продолжение складывающаяся веками в отечественной культуре традиция крестного хода как святого, божественного дела, ритуальной деятельности, проявляющейся в «выражении благоговения, покорности и смирения перед Богом» [Житенёв, 2012, 42]; почитании священных символов в молитвословиях и поклонах. Автор дневника является приверженцем базовых ценностей православия: свободы от греха и душевного здоровья. Это подтвердил анализ мотивов, способов совершения крестного хода, где доминирует установка на преодоление физических страданий во имя достижения духовного совершенства, символом которого является центральный образ Великоорецкого хода – образ Николая Чудотворца. Традиционный православный нарратив проявился в характеристиках всех эмпирических индикаторов присутствием темы духовного подвижничества, греха и искупления, молитвенного самоуглубления и коллективного спасения.

С другой стороны, в дневнике представлен персональный религиозный опыт и субъективная интерпретация событий на основе традиции [Бергер, 1996, 361–363]. Главной темой религиозного дискурса является процесс личной духовной трансформации, в репрезентации которого обнаруживается культурный код, основанный на оппозиции сакральной и обыденной систем значений. Единицы смысла, характеризующие религиозный опыт прорыва реальности, позволяют выделить структурные элементы, имеющие универсальную, архетипическую природу: мотивы преодоления границы сакрального и профанного, духовных и физических испытаний в сакральном пространстве, их преодоления в процессе познания законов сакрального хронотопа, рождение нового человека. Это свидетельствует о переживании лиминальной (переходной) ситуации. В. Тэрнер показал, что испытания и унижения, которые терпят «лиминальные существа», символизируют разрушение прежнего статуса и, как правило, служат цели обуздания себялюбия, алчности – всего того, что отъединяет от сакральной общности – «коммунитас». Покорность, молчание, подчинение власти традиции обуздывают характер, способствуют обретению нового облика и новых сил [Тэрнер, 1983, 169]. По мнению А. ван Геннепа, феномен промежуточного состояния присутствует во многих древних формах человеческой деятельности и отвечает насущной потребности в смене жизненных ритмов [Геннеп, 1999, 164]. Правомочность этого вывода подтверждается присутствием пасхальной семантики крестного хода.

Библиографический список

1. Бергер, П. Религиозный опыт и традиция / П. Бергер // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 339–364.

